

Научная статья
УДК 323.1

Внешняя политика объединенной Германии: от «Новой восточной политики» к новому центральноевропейскому пространству (1990–1994)

К. Б. Божик

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
kristina_bozhik@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется восточноевропейское направление внешней политики объединенной Германии в 1990–1994 годы. Рассмотрены вехи внешней политики Германии в начале 1990-х годов: осознание ею новизны положения; выстраивание отношений с постсоциалистическими странами Восточной Европы; новую военную политику в период первой фазы югославского конфликта и сомалийского кризиса.

Ключевые слова: объединение Германии, ФРГ, Россия, внешняя политика, дипломатия, Центральная и Восточная Европа, НАТО, Югославия

Для цитирования: Божик К. Б. Внешняя политика объединенной Германии: от «Новой восточной политики» к новому центральноевропейскому пространству (1990–1994) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2023. Вып. 4 (853). С. 64–70.

Original article

The Foreign Policy of United Germany: from the New Eastern Policy to the New Central European Space (1990–1994)

Kristina B. Bozhik

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
kristina_bozhik@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the Eastern European direction of the united Germany's foreign policy in 1990–1994. The author examines the milestones of the early 90s German foreign policy: Germany's awareness of the own power; the building of relations with the post-socialist countries of Eastern Europe; the new Germany's military policy in the Yugoslav conflict's starting period and during the Somali crisis.

Keywords: unification of Germany, Germany, Russia, foreign policy, diplomacy, Central and Eastern Europe, NATO, Yugoslavia

For citation: Bozhik, K. B. (2023). The foreign policy of United Germany: from the new eastern policy to the new central european space (1990–1994). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 4(853), 64–70.

ВВЕДЕНИЕ

Объединение Германии в 1989–1990 годы, произошедшее одновременно с исчезновением советского блока в Восточной Европе, привело к смене приоритетов внешней политики Федеративной Республики. В повестку дня вошли вопросы об избираемом обновленным государством внешнеполитическом курсе и его инструментах, о приверженности объединенной Германии сотрудничеству в системе НАТО, об интеграции в рамках ЕЭС (с 1992 года – ЕС). Именно в 1990-е годы ушло в прошлое парадоксальное утверждение, в целом верное для 1960–1980-х годов: «ФРГ – экономический гигант, но политический карлик»¹. После десятилетий табуированности для ФРГ темы наращивания влияния в мире, а затем – робкого ввода ее через констатацию значительности вклада Бонна в мировую экономику, вопрос о месте в мировой политике новой Германии стал формулироваться в открытую.

В зарубежной (по отношению к России) Европе Германия закрепила за собою место первого по численности населения государства (свыше 80 млн человек) и, опередив Италию, стала третьей по территории (357 тыс. кв. км – после Швеции, Франции и Испании).

Стереотипное восприятие внешней политики объединенной Германии начала 1990-х годов вне проблемы создания ЕС фокусируется либо на германо-российских отношениях либо на югославской проблеме. Однако «берлинская республика» затратила значительные усилия на выстраивание новых отношений в восточноевропейском регионе.

Цель данной работы – рассмотреть условия и основные вехи формирования внешнеполитического курса объединенной Германии в начале 1990-х годов на восточноевропейском направлении: осмысление германским политическим классом нового положения своей страны, выстраивание новых отношений с Москвой и восточноевропейскими столицами, опыт участия ФРГ в югославском кризисе, а за пределами Европы – в сомалийском кризисе. Данный опыт значителен для новой самопрезентации Германии как центра военной силы.

При написании работы использованы сборники документов «Der Fischer Weltalmanach 1998», «Der Fischer Weltalmanach 2001», «Deutschland als Aufgabe. Grundwertkommission der SPD», работы российского германиста В. Н. Павлова, историка и советского политического деятеля В. М. Фалина, германского историка К. Хакке, исследователей

военной политики ФРГ В. К. Белозёрова, Н. П. Пархитко и Ф. О. Трунова.

Автор приходит к выводу, что в результате стремительных перемен в Восточной Европе и энергичной политики элит ФРГ, объединенная Германия заняла естественное для себя место регионального лидера.

НОВАЯ КАРТА К ВОСТОКУ ОТ РЕЙНА

Выстраивание германской внешней политики в указанный период проходило на фоне серьезного внутреннего кризиса. Победное для ФРГ решение «германского вопроса», тем не менее, повлекло за собою возникновение трудностей, связанных со сложной и затратной адаптацией миллионов новых граждан ФРГ, бывших жителей ГДР. Проблема носила социально-психологический и, еще в большей степени, экономический характер. Он коренился в серьезном отставании централизованной и плановой экономики Восточной Германии, завязанной на нерыночные связи внутри соцлагеря, льготы от СССР (в 1980-е – кредиты ФРГ). Эти кредиты возникали в системе рыночной экономики ФРГ. Отставание усугубилось в последние годы ГДР, когда на смену энергичному развитию 1970-х годов при «раннем Хонеккере» пришла «жизнь в долг». В дальнейшем социалистическая экономика сколлапсировала вместе с другими институтами ГДР. Обычно в этом винят нетерпимость западногерманского государства ко всему социалистическому, корыстные интересы корпораций ФРГ, заинтересованных в поглощении либо уничтожении субъектов восточногерманской экономики, и недооценивают объективную глубину экономического кризиса восточных земель, моральную незаинтересованность многих восточных немцев в сохранении прежнего уклада, пусть и осужденную ими впоследствии.

В 1990-е годы Федеративной Республике потребовались огромные, достигавшие 150 млрд марок ежегодные вливания в реконструкцию инфраструктуры, промышленности, сельского хозяйства и других отраслей экономики в новых землях ФРГ, в затратную реновацию Берлина как новой столицы, продиктованную как практическими, так и идеологическими соображениями. Необходимо было также поддерживать социальную сферу на сравнительно высоком уровне, от чего зависела, в том числе, социальная стабильность в стране. (В частности, критики воссоединения упускают из внимания осуществлявшуюся уже в 90-е масштабную программу модернизации типового жилья ГДР.)

В этих условиях правительство канцлера Г. Коля, партии ФРГ и ее политические институты

¹URL: <https://www.nytimes.com/1971/10/24/archives/germany-in-our-time-a-political-history-of-the-postwar-years-by.html>

в 1990-е годы оказались перед проблемой определения приоритетов новой внешней политики. Такая задача возникла не только в связи с исчезновением «германского вопроса», но и была вызвана другими существенными переменами в Европе и мире.

Прежде всего, прекратилась «холодная война». В ходе нее ФРГ и ГДР играли роль застрельщиков в первых рядах враждебных блоков. Именно на немецкой земле после 1945 года противостояли друг другу войска западных союзников и Советского Союза, а в дальнейшем – НАТО и ОВД. В итоге развития тенденций, очевидных уже в 1989 году, а к концу 1990 года выражавшихся в потере управляемости и явной децентрализации, в конце 1991 года прекратил существование СССР. Но уже в 1990 году было понятно, что вскоре последний военный служащий в советской форме покинет немецкую землю, тогда как армии восточноевропейских стран ОВД (де-факто уже прекратившего существование) больше не являются противниками НАТО.

С объединением Германии утратили силу права четырех держав победительниц, полностью исчез их прямой и косвенный контроль над германской политикой, внутренней и внешней. Все их многочисленные общие и раздельные приказы и постановления, включая и решения «большой тройки», теперь принадлежали истории (кроме решений о внешних германских границах).

На месте «боннской республики», урезанной и смещенной к исторической рейнской границе, с территорией 248 тыс. кв. км и населением, составлявшим в 1990 году 63 млн человек, и «демократической Германии» (109 тыс. кв. км и более 16 млн человек) возникла новая единая Германия. Ее восьмидесятимиллионное население уже на момент объединения склонялось к депопуляции из-за низкой рождаемости, что компенсировалось стабильным пополнением за счет миграции (в том числе – за счет репатриантов из бывшего СССР). В геополитическом плане ФРГ как бы сдвинулась на восток. Объединенная страна получила более протяженное балтийское побережье и могла с большим правом чувствовать себя морской державой.

В лице воссоединенной Германии мир получил в начале 1990-х годов новый центр силы. Поворот (или крен) этого центра в ту или иную сторону отражается на всей системе глобальных отношений между государствами. Хотя в первой половине 1990-х годов, вопреки страхам западных и советских «лидеров мнений» (букв. от Франсуа Миттерана и Маргарет Тэтчер до Валентина Фалина и Эдуарда Лимонова) заметны были осторожность

руководителей ФРГ, их стремление не спешить с использованием новых возможностей Германии, т. е. не выдвигать к соседним (и другим) государствам каких-либо требований.

Было ясно, что Германии предстоит пережить трудный период, но почти никто не сомневался в том, что она станет новым политическим силовым центром Европы.

«СТРАНА ВСТРЕЧ И ПОСРЕДНИЧЕСТВА»

Появление на карте Европы объединенной Германии, распад соцлагеря и СССР привели к радикальному пересмотру отношений Федеративной Республики с Москвой. Поначалу на отношении германских политиков и общества к России сказывалась инерция признания решающей роли Москвы, восторжествовавшей в Кремле доброй воли в победоносном для «колевской» ФРГ объединении. В тяжелые для России 1990-е годы Германия заняла первое место среди ее торговых партнеров. Германия нередко выступала в эти годы в международных финансовых учреждениях в роли ходатая за российские интересы.

Эти новые факторы внешней политики должны были учитывать представители политических сил ФРГ – СДПГ, ХДС / ХСС, свободных демократов, а также лидеры новых политических организаций, возникших в ГДР в 1989–1990 годы. В верхах СДПГ имелись и «условные противники» объединения – точнее это были сторонники постепенного, планомерного сближения «двух Германий». К этому кругу принадлежал премьер-министр Саара (1985–1998), заместитель председателя партии (1987–1995) и ее председатель в 1995–1999 годы, Оскар Лафонтен, а также ряд других деятелей партии и Объединения немецких профсоюзов. Причиной такой (непопулярной с осени 1989 года) позиции были опасения, что стремительное (по словам В. М. Фалина – «в два присеста») [Фалин, 1999], объединение обречет Германию на большие трудности в экономике, уронит уровень жизни как «осси», так и «веси».

Стоит остановиться и на позиции экс-канцлера Вилли Брандта (СДПГ). Нет сомнения, что в принципе он был за преодоление раскола страны, именно он своим новым подходом к отношениям с СССР в годы своего канцлерства (1969–1974) проложил путь к будущему объединению Германии. Но когда это объединение свершилось, он заговорил о том, что ликвидация Германской Демократической Республики означала одновременно «поражение социализма».

Но если это и было поражение социалистической идеи в целом, то вина за это лежит на

конкретной попытке воплощения социализма – его восточноевропейской модели, сложившейся после 1917 и 1945 годов, – с однопартийной (в ГДР – де-факто однопартийной «блоковой») системой, в которой партийные органы полностью сращивались с исполнительной властью и лишали реальных полномочий законодательную, с дефицитом гражданских свобод и демократии, со сверхцентрализованной государственной экономикой.

Социал-демократическая партия Германии выступила в мае 1991 года с публикацией материалов Комиссии по основным ценностям, где шла речь и об отношениях ФРГ с другими государствами. В разделе «Германия – вчера и сегодня» говорится: «Если немцы на Востоке и на Западе снова говорят “мы немцы”, что они этим хотят сказать?»

1) Мы принадлежим друг другу. История, которая нас объединяет, намного длиннее и более пестрая (bunte), чем 40 лет насильственного разделения... быть немцем означает быть частью и соучастниками этой общей истории, с ее взлетами и падениями...

2) С принятием нашей истории мы несем вместе также ответственность за историческую вину немцев. Не могут быть забыты наши особые обязательства перед еврейским народом. Если мы хотим добиться добрососедства по отношению к нашим восточным соседям, подобного тому, которое есть по отношению к британцам и французам, мы должны иметь в виду, какие глубокие раны оставила там нацистская воля к порабощению и истреблению. Германия должна стать страной встреч и посредничества... Немецкое объединение обязывает нас поощрять и европейское единство»¹.

«ВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА» ПО-НОВОМУ

В чем же заключалась теперь, после объединения Германии политика ее правительства в отношении стран к востоку и югу от немецких границ? Ряд этих стран, расположенных неподалеку от виртуальной линии Берлин – Москва, еще со времен сколачивания Версальской системы имел сомнительное счастье стать участником большой геополитической игры Запада против Советской России. Запад создал «санитарный кордон» против распространения коммунизма, овладевшего Россией. После Второй мировой войны эти страны бывшей малой Антанты (в первую очередь, Польша и Чехословакия) вынуждены были повернуть фронт на

180 градусов и создать вместе с СССР и другими социалистическими странами «защитный вал» социализма. В 1990-е годы после развала СССР все недавние «братские» страны и три бывшие прибалтийские советские республики повернулись «кругом» и начали интеграцию в западные структуры. Для кандидатов в новые члены евроатлантического сообщества Германия стремилась брать на себя роль проводника и ходатая, стараясь в наборе «мягкой силы» нагнать Вашингтон, не уступать Лондону, опередить Париж.

Следует отметить особое стремление политической элиты и общественности ФРГ к сближению со странами, которые в прошлом стали первыми жертвами гитлеровской агрессии.

При определении приоритетов внешней политики молодого объединенного Германского государства особая роль отводилась Польше. В отношении этого наиболее крупного постсоциалистического государства (за пределами СНГ) с самого начала 1990-х годов проводилась активная политика сближения. Славянская страна, еще недавно бывшая членом ОВД и союзницей Советского Союза, теперь последовательно рвала прежние связи и демонстративно поворачивалась спиной к Москве. В июне 1990 года, через несколько недель после роспуска Организации Варшавского Договора и еще до завершения ликвидации ГДР Польская Республика подписала с ФРГ Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве. Вместе с ним был также подписан Договор об учреждении организации по молодежным обменам между Польшей и Германией.

Стремясь опередить американцев и британцев, имевших сильные позиции в тех слоях польского общества, из которых в 1989–1990 годах формировалась элита Третьей Речи Посполитой, немцы со своими французскими партнерами сознательно вложились в «повышение уровня» польской внешней политики. 28 августа 1991 года в Веймаре министры иностранных дел ФРГ (Г.-Д. Геншер), Франции (Ролан Дюма) и Польши (Кшиштоф Скубишевский) подписали соглашение о регулярных встречах, положившее начало «Веймарскому треугольнику» – по сей день существующей заметной институции европейской политики.

Еще стараниями Вилли Брандта после Московского Договора 1970 года был заключен договор 1971 года между ФРГ и ЧССР, в котором стороны объявили «ничтожным» злое Мюнхенское соглашение 1938 года. Теперь, в конце января 1997 года, тот договор был дополнен Заявлением о чешско-германском примирении, подписанным главами правительств ФРГ и Чехии. В этом документе германская сторона заявила, что признает свою ответственность за несправедливости,

¹Deutschland als Aufgabe. Grundwertkommission der SPD. Berlin, 1997. P. 231.

совершенные в отношении Чехословакии в период Второй мировой войны, и «сожалеет о страданиях, причиненных чехам и словакам», вследствие преступной политики нацистов¹.

Со своей стороны Чехия впервые официально признала изгнание немцев после 1945 года и выразила сожаление о страданиях, причиненных судетским немцам. Президент Чехии Вацлав Гавел и Президент ФРГ Роман Херцог договорились о создании совместного фонда финансирования проекта, направленного на дальнейшее примирение двух стран. Оба президента выступили в парламентах другой стороны. Нельзя, однако, обойти молчанием тот факт, что в Германии против заявления двух президентов резко выступило землячество судетских немцев, считающих, что массовое насилие против немецкого населения в послевоенной Чехословакии, завершившееся насильственной депортацией немцев в Германию, заслуживает симметричного осуждения и компенсации.

Экономические консультации и соглашения между Польшей и Чехословакией, с одной стороны, и Германией – с другой уже с 1990–1991 годов оговаривали переориентацию бывших стран СЭВ с погружавшегося в кризис и всё менее платежеспособного советского рынка на германский.

Для 1990-х годов был характерен закономерный закат «восточной политики» [Павлов, 2012]. «Восточная политика», проводившаяся правительством ФРГ, кроме жесткости, проявлявшейся как К. Аденауэром, так и Г. Колем, требовавшая сдержанности и моральных жертв, принесенных в ходе «новой восточной политики» В. Брандта, изощренности и материальных затрат в ходе «политики притягательного магнита», увенчалась успехом: «германский вопрос» в старом значении, просуществовавший более четырех десятилетий, ушел из европейской жизни. Патриотическая цель большинства немцев была достигнута, расколу Германии был положен конец, на всей ее территории утвердились права и свободы, как их понимали основатели Федеративной Республики.

Вместе с тем к востоку (и югу) от новой Германии по-прежнему располагались Россия, Польша, Чехия, Словакия, Венгрия, страны Балтии, Украина, Белоруссия. «Восточная политика» для нового немецкого государства продолжалась в ином виде. Однако «восточная политика» покинула центральное место в немецком сознании, в прежнем смысле она пропала из политической повестки Федеративной Республики. В течение нескольких десятилетий государственные деятели и публицисты ФРГ, используя слова «восточная политика»,

имели в виду весь европейский социалистический блок. Теперь он исчез, и сам термин «восточная политика» исчезает в 1990-е годы из немецкого политического словаря. Ему на смену приходит формулировка «отношения со странами Центральной и Восточной Европы».

Стоит привести процитированное Н. В. Павловым высказывание Г.-Д. Геншера. Вице-канцлер ФРГ (1974–1992) и глава немецкой дипломатии (1982–1992) писал в 1995 году: «Я постоянно возражал против бездумного использования слов “Восточная Европа”; “холодная война” откладывала преимущественно идеологический отпечаток на понятия Восток и Запад и, таким образом, и Польшу, и Чехословакию причисляли к Восточной Европе. По этой причине я не переставал утверждать: Польша является центральноевропейским государством. На польской восточной границе начинается Восточная Европа, а не Западная Азия» (прив. по: [Павлов, 2017]).

Во время распада Югославии объединенная Германия заняла активную антисербскую позицию, продиктованную как пристрастиями католических германских кругов, так и стремлением экономических и политических элит избавиться от небольшого, но своевольного югославского центра силы; возможно, на первых порах неоглашаемую роль играли и реваншистские настроения старшего поколения немцев, увидевшего, что Германия может выступить против наследников прежнего противника – сербских коммунистов – с позиции моральной правоты и при одобрении мирового сообщества. Вину за разжигание и эскалацию сербскохорватского конфликта летом 1991 года правительство Германии сразу возложило исключительно на Сербию; антисербскую позицию ФРГ в дальнейшем занимала во всех конфликтах на территории бывшей Югославии. 19 декабря 1991 года Германия первой из стран – членов ЕС признала независимость Словении и Хорватии.

Договоры Федеративной Республики о дружбе и сотрудничестве были подписаны в 1991–1992 годы с Болгарией, с Венгрией (о дружбе, сотрудничестве и партнерстве), с Чехословакией (о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве), с Румынией (о дружбе, сотрудничестве и партнерстве в Европе). С Литвой в июле 1993 года ФРГ подписала совместное заявление об основах двухсторонних отношений.

ВОЕННЫЙ ДЕБЮТ БУНДЕСВЕРА

Преувеличением представляется утверждение профессора Университета бундесвера в Гамбурге К. Хакке, что Германия «превратилась в образец

¹Der Fischer Weltalmanach 1998. Frankfurt a. Main., 1998.

международного разоружения» [Хакке, 1995]. Однако уход войск трех держав (США, Великобритании и Франции) из Западного Берлина в 1990 годы, вывод с территории ФРГ к июлю 1993 года канадского контингента и к осени 1994 года – российской Западной группы войск, сопровождался серьезным сокращением бундесвера. Если вооруженные силы обоих немецких государств на момент объединения насчитывали более 700 тыс. военнослужащих, то к концу XX века в штате вооруженных сил ФРГ числилось уже 347 тыс. человек¹. При этом на территории Германии остались американские военные базы, где были постоянно расквартированы десятки тысяч военнослужащих; осталась инфраструктура НАТО, расширившаяся за счет военных объектов СССР и ГДР.

К концу первой после объединения legislatury Г. Коля наблюдалась известная активизация внешней политики Германии страны в связи с конфликтами за ее пределами. В 1993 году корабли военно-морского флота ФРГ зашли в Адриатическое море для контроля за соблюдением эмбарго на поставки вооружений в зону югославского конфликта.

Важным опытом для внешней и военной политики ФРГ стала миротворческая операция под флагом ООН и под руководством США в Сомали в 1993–1995 годы. С 1988 года в этой республике на Африканском роге шла гражданская война, а с 1991 года произошел фактический распад государства, вызвавший гуманитарную катастрофу, широко освещавшуюся мировыми СМИ. В 1993 году в Сомали был направлен контингент бундесвера для участия в миротворческой операции. 21 апреля 1993 года Бундестаг удовлетворил запрос кабинета Г. Коля и К. Кинкеля на использование германских войск в миротворческой операции.

Немецкие военные как осуществляли транспортно-логистические задачи, так и с оружием в руках охраняли склады, пункты раздачи воды, продовольствия и медикаментов. С участием военных бундесвера и германских гуманитарных организаций были снижены критические лишения для десятков тысяч сомалийцев в ряде районов страны.

Однако операция закончилась неудачей. В октябре 1993 года вооруженные силы США понесли потери, впечатлившие общественность. Враждующие кланы не удалось склонить к миру, страна осталась в состоянии распада. В Вашингтоне администрацией президента Б. Клинтона было принято решение об эвакуации американского

воинского контингента, и в 1994–1995 годы все международные силы, действовавшие под флагом ООН, были выведены из страны, в том числе, и контингент ФРГ. Как отмечает Ф. О. Трунов, из противоречивого сомалийского опыта политический класс Германии сделал вывод, что без опоры на местные «хотя бы условно демократические силы» внешнее вмешательство обречено на неудачу [Трунов, 2017].

Тем не менее эта операция стала зарубежным дебютом бундесвера. 12 июля 1994 года Конституционный суд ФРГ отменил запрет на использование бундесвера за рубежом республики, после чего был принят закон, позволивший направлять германские войска в «горячие точки» как в составе сил ООН, так и самостоятельно, но с согласия бундестага [Пархитко, 2010]. Символично, что уже 31 августа 1994 года досрочно прекратила свое существование российская Западная группа войск. В дальнейшем, с учетом решаемых вооруженными силами ФРГ задач, менялось и управление ими [Белозёров, 2012].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В первые годы после объединения Германия, несмотря на серьезные внутренние трудности и на конкурентные действия своих западных союзников, бывших держав-победительниц, проявила себя как энергичный внешнеполитический игрок, осваивающий новые поля, в том числе, как претендент на неформальное лидерство в новой Восточной Европе. Спешно заполняя политический и экономический вакуум, возникший после распада социалистического блока, декларируя при этом верность принципам примиренческой политики В. Брандта, но и заявив о себе в миротворческих операциях (несмотря на их спорные итоги) как о центре военной силы, новая ФРГ уже к моменту окончания вывода российской Западной группы войск в 1994 году своим влиянием в значительной мере переформатировала регион. Вообще, по мнению специалистов, в новых условиях Германия постепенно конструирует свою стратегическую культуру, заявляя о своих притязаниях [Белозёров, 2023]. На сложившуюся в итоге мировых войн идею Восточной Европы, после распада социалистического блока сохраняемую в ходе негласного соперничества Вашингтона, Лондона и Парижа, наложилась продвигаемая Берлином идея Центральной Европы как сферы лидерства германской «мягкой силы».

¹Der Fischer Weltalmanach 2001. Frankfurt a. Main, 2001.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Фалин В. М. Без скидок на обстоятельства: Политические воспоминания. М.: Республика, 1999.

2. Павлов Н. В. История внешней политики Германии от Бисмарка до Меркель. М.: Международные отношения, 2012.
3. Павлов Н. В. Россия и Германия. Несостоявшийся альянс (история с продолжением). М.: Аспект Пресс, 2017.
4. Хакке К. Великая держава поневоле (внешняя политика Федеративной Республики Германии) / пер. с нем. М.: Буклет, 1995.
5. Трунов Ф. О. Участие ФРГ в борьбе с международным терроризмом на территории Сомали // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 4. С. 710–726.
6. Пархитко Н. П. Эволюция военной политики ФРГ после объединения страны // Вестник МГИМО(У). 2010. № 5 (14). С. 320–326.
7. Белозёров В. К. Примат политики в действии. Об изменениях в системе руководства и управления вооруженными силами ФРГ // Вестник Академии военных наук. 2012. № 4. С. 25–29.
8. Белозёров В. К. Германия конструирует стратегическую культуру. Размышления после выхода Стратегии национальной безопасности ФРГ // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 5 (123). С. 166–177.

REFERENCES

1. Falin, V. M. (1999). Bez skidok na obstojatel'stva: Politicheskie vospominaniya = Without discounts on circumstances: Political memories. Moscow: Respublika. (In Russ.)
2. Pavlov N. V. (2012). Istoria vneshnei politiki Germanii ot Bismarka do Merkel = The history of German foreign policy from Bismarck to Merkel Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. (In Russ.)
3. Pavlov, N. V. (2017). Rossiya i Germania: Nesostoyavshiysya al'ans (istoriya s prodolzheniem) = Russia and Germany. A failed alliance (a story with a sequel). Moscow: Aspect Press. (In Russ.)
4. Hakke, K. (1995). Velikaya derzhava po nevole (vneshnyaya politika Federativnoy Respubliki Germanii) = The Great Unwilling Power (Foreign Policy of the Federal Republic of Germany): trans. from German. Moscow: Buklet. (In Russ.)
5. Trunov, F. O. (2017). Participation of the FRG in the fight against international terrorism on the territory of Somalia. Bulletin of the RUDN, series: International Relations, 17(4), 710–726. (In Russ.)
6. Parkhitko, N. P. (2010). The evolution of the German military policy after the unification of the country. MGIMO (U) Bulletin, 5(14), 320–326. (In Russ.)
7. Belozarov, V. K. (2012). Primacy of politics in action on changes in the system of command and control of the armed forces of the federal republic of Germany. Bulletin of the Academy of Military Sciences, 4, 25–29. (In Russ.)
8. Belozarov, V. K. (2024). Germany is building strategic culture. Reflections after the release of the National Security Strategy of Germany. Russia in global affairs, 5(123), vol. 21, 166–177. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Божик Кристина Богдановна

кандидат исторических наук
доцент кафедры политологии
Института международных отношений и социально-политических исследований
Московский государственный лингвистический университет

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Bozhik Kristina Bogdanovna

PhD in History
Associate Professor of the Department of Political Science
of the Institute of International Relations and Social-Political Sciences
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

19.09.2023
20.10.2023
25.10.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication